

БЛАГОСКЛОННОЕ УЧАСТИЕ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

В Москве, - ну, скажем, на Молчановке, - живет "бывшая артистка императорских театров". Одинока, очень немолода, широкоскула, жилиста. Дает уроки пения. И вот что происходит с ней каждый год в декабре.

Однажды в воскресенье, - положим, в очень морозное, солнечное утро, - раздастся в ее передней звонок.

- Аннушка! Звонят! - испуганно кричит она из спальни кухарке.

Кухарка бежит отворять - и даже отступает: так блестящи, нарядны гости - две барышни в мехах и белых перчатках и франт-студент, их сопровождающий, насквозь промерзший в своей легкой шинельке и тонких ботинках.

Гости долго ждут в холодной гостиной, янтарно озаренной сквозь морозные узоры окон, затем слышат быстрые шаги хозяйки и поспешно встают ей навстречу. Она очень взволнованна, - знает, в чем дело, - густо напудрила лицо, надушила крупные, костлявые руки...

- Ради бога, простите, господа, я, кажется, заставила вас ждать, - с очаровательной улыбкой и самой светской непринужденностью говорит она, быстро входя и с трудом преодолевая сердцебиение.

- Это вы нас простите за беспокойство, - с отменной почтительностью перебивает ее студент, кланяясь и целуя ее руку. - Являемся к вам с усердной и покорнейшей просьбой. Комитет по устройству традиционного литературно-вокально-музыкального вечера в пользу недостаточных воспитанников пятой московской гимназии возложил на нас честь ходатайствовать перед вами о вашем благосклонном участии в этом вечере, имеющем быть на третий день рождественских праздников.

- Господа, если можно, увольте! - очаровательно начинает она. - Дело в том...

Но барышни нападают на нее так дружно, горячо и лестно, что она не успевает сделать даже этой слабой попытки отказаться, уклониться...

После того проходит целых три недели.

И целых три недели Москва работает, торгует, веселится, но, среди всех своих разнообразных дел, интересов и развлечений, втайне живет только одним - ожиданием знаменательного вечера двадцать седьмого декабря. Великое множество афиш всех цветов и размеров пестрит на всех ее улицах и перекрестках: "На дне", "Синяя птица", "Три сестры", Шалапин в "Русалке", Собинов в "Снегурочке", Шор, Крейн и Эрлих, опера Зимина, вечер Игоря Северянина... Но теперь всякому бьет в глаза только та маленькая афиша, на которой крупно напечатаны имя, отчество и фамилия благосклонной участницы литературно-вокально-музыкального вечера в пользу недостаточных учеников пятой московской гимназии. А сама участница безвыходно сидит в это время дома и работает не покладая рук, дабы не обмануть ожиданий Москвы, - без конца выбирает, что петь, с утра до вечера пробует голос, разучивает то то, то другое... Дни идут теперь необыкновенно быстро, и эта быстрота уже приводит ее в ужас: и оглянуться не успеешь, как настанет это страшное двадцать седьмое декабря!

Она прекратила давать уроки, никого не принимает и сама не выходит из дому, боясь схватить бронхит, насморк. С чем именно выступать? Публика и не подозревает, как трудно решение этого вопроса даже для опытейшего артиста! Какое нужно проявить тут чутье, сколько вкуса, такта, опыта! После долгих и мучительных сомнений, колебаний дело, однако, кончается тем, что она останавливается на своем старом, неизменном репертуаре, - снова проходит три вещи: одну французскую, нежную и грустную, чарующую, как колыбельная песня, где, впрочем, скрыта огромная страсть, сила и боль любящей женской души, безумно жаждущей счастья и жертвенно от этого счастья отрекающейся; другую - полную блеска колоратуры и русской удали; и затем - свою коронную: "Я б тебя поцеловала, да боюсь, увидит месяц", которой, как всегда, можно блеснуть особенно, дать се "с огоньком", игриво, молодо и оборвать на таком отчаянно-высоком и ликующем звуке, чтобы весь зал дрогнул от рукоплесканий. Кроме того, она готовит двенадцать вещей на "бис"... Дни мелькают, мелькают, и в душе у нее уже растет такое чувство, точно близится час ее казни. Однако она работает, работает. И вот настает наконец этот последний роковой день!

Утром двадцать седьмого декабря все силы ее доведены до предельного напряжения. Утром еще одна репетиция, но уже последняя, генеральная. Она поет уже как бы на эстраде: полным голосом, со